

От редакции:

Ниже публикуется статья А.Галкина и Ю.Красина, изданная Институтом социологии РАН в 1995 г. и посвящённая проблемам демократии в постперестроечной России. С тех пор прошло почти двадцать лет. Читатель может судить, насколько авторам удалось уловить тенденции политического развития российского общества.

(, , 1995)

**Галкин Александр Абрамович
Красин Юрий Андреевич**

Если своевременно
обнаружить зарождающийся недуг,
что дано лишь мудрым правителям,
то избавиться от него нетрудно,
но если он запущен так,
что всякому виден,
то никакое снадобье уже не поможет.

(Никколо Макиавелли. Государь.)

Вопрос об авторитаризме и демократии оказался сегодня в центре размышлений и борьбы вокруг судьбы российской реформации, выбора Россией своего пути развития, места и роли в мировом обществе. Это во многом обусловлено тем, что в её политической жизни всё больше признаков, свидетельствующих о движении в сторону авторитаризма.

Быть может, однако, авторитарная власть не так уж и плоха при нынешнем состоянии российского общества? Не сумеет ли она после не вполне удачных «демократических экспериментов» вывести страну из кризиса, обеспечить общественный порядок и стабильность, создать условия для эффективного рынка, становления гражданского

общества и роста национального благосостояния? Такую точку зрения отстаивают сейчас некоторые влиятельные политики и публицисты.

Вместе с тем, весьма основательны опасения, что авторитарный режим в России похоронит с таким трудом завоёванные свободы. Вряд ли в современной России возможно возродить тоталитаризм с его массовыми репрессиями и открытым попранием прав личности. Однако вполне можно представить себе возникновение модернизированного авторитарного режима с сохранением демократического фасада и использованием новейших средств социального контроля и манипулирования общественным сознанием.

Цель настоящей работы – критика российского авторитаризма. При этом авторитаризм рассматривается как жёсткая пирамидально-иерархическая система управления обществом. Верховная власть оказывается никому неподотчётной, утверждается её практическая несменяемость с помощью общепризнанных процедур. Управленческие прерогативы дозированно делегируются подчинённым властным структурам, до минимума сводятся возможности граждан воздействовать на принятие государственных решений через представительные органы власти и другие каналы обратной связи.

Слово «критика» применяется нами в кантовском понимании как выявление возможностей и границ авторитарных форм воздействия на российскую действительность. С этих позиций анализируются предпосылки авторитарных тенденций в современной России, характеризуются их социальные носители, оценивается мера возможностей решения авторитарной властью ключевых проблем социально-экономической модернизации общества. Всё это в совокупности позволяет определить отношение к авторитаризму с точки зрения перспектив демократического развития России.

Авторитарные тенденции в современном российском обществе – не просто инерционная дань многовековой традиции, закреплённой в особенностях политической культуры и социальной психологии. И это тем более не следствие злого умысла каких-то общественных групп или властолюбивых личностей. Налицо объективные условия: экономические, социальные, государственно-институциональные (политические), культурно-ценностные, питающие эти тенденции.

Экономические предпосылки авторитаризма связаны с тем, что быстрый распад централизованно управляемой экономики при практически полном отсутствии рыночных механизмов регулирования привёл к потере управляемости экономическими процессами. Из этой почвы (особенно после провала радикально-либеральных экспериментов, которые, по замыслу их инициаторов, должны были автоматически обеспечить переход к демократии и рынку) выросло стремление преодолеть кризис путём применения сильных рычагов неэкономического воздействия.

Это стремление, хотя за ним скрываются различные, иногда противоположные мотивы, находит благоприятную питательную среду в кризисном состоянии экономики, возникшем в результате того, что

реформы не связаны в органически целостный трансформационный процесс, а механически внедряются в существующую экономику. В ней образовались анклавные структуры, близкими к рыночным (прежде всего в торговле, кредитной сфере и др.). Но они отнюдь не определяют экономику страны в целом и без кардинальных изменений в товаропроизводящих отраслях не способны запустить нормальные регулятивные механизмы рынка. Авторитаризм реально существует и даже превалирует в экономической жизни российского общества. При этом автократические устремления получают развитие не столько в силу сокращения производства, падения доходов, роста безработицы и прочих социальных невзгод (хотя эти факторы тоже питают автократические настроения), сколько из-за отсутствия институционального оформления хозяйственного регулирования.

Авторитарные тенденции в этих условиях проявляются в трёх основных разновидностях.

Во-первых, как стремление сохранить и реставрировать систему государственного патернализма.

Во-вторых, авторитарные тенденции проявляются в стремлении твёрдой рукой надёжно и быстро обеспечить правовые и политические условия для развития рыночной экономики. Это стремление наверняка получит сильный импульс, если в экономике будет преобладать влияние крупных объединений хозяйственных субъектов (концерны, финансово-промышленные группы), контролирующих рынок и тесно переплетённых с государством. Усиление властных позиций таких группировок будет побуждать к экономической политике, для реализации которой потребуются авторитарные методы.

В-третьих, авторитарные тенденции приобретают и криминально-мафиозную окраску, поскольку общество не в состоянии противостоять тёмным силам, стремительно поднявшимся на дрожжах нерегулируемого раздела государственной собственности.

Все эти разновидности авторитарных тенденций в экономике взаимосвязаны и, скорее всего, следует ожидать возникновения тех или иных комбинационных вариантов.

Социальные предпосылки авторитаризма возникают как прямой результат происходящих в социальной структуре общества кардинальных изменений в положении, роли и взаимоотношениях различных общественных групп и слоёв. Резкая ломка сложившейся за годы советской власти жёсткой и малоподвижной системы связей опрокинула устоявшуюся иерархию социальной идентификации. При практическом отсутствии адаптационных амортизаторов, опрометчивом разрушении ранее существовавших социальных гарантий и неопределённости перспектив общественного развития большие группы людей оказались выбитыми из привычных жизненных ниш, лишёнными социальных ориентиров и статуса, неспособными найти своё место в потоке быстрых перемен.

Возникли и новые формы отчуждения, порождаемые разрушением общих условий общественного бытия, обнищанием и обездоленностью

широких слоёв населения, их незащищённостью, коррумпированностью и некомпетентностью власти, негативными последствиями «дикого» рынка. Идеи и проекты реформ, преподносившиеся как избавление от тоталитаризма и воплощение демократии, на деле обернулись весьма неприглядной реальностью. Она не только не соответствовала романтизированным и мифологизированным ожиданиям, но и вступила в острое противоречие с глубоко укоренившимися социально-психологическими стереотипами поведения и мышления, порождая в людях растерянность и разочарование.

В обстановке неустроенности, неопределённости, утраты идеалов и перспектив возрастающая масса людей ищет свою утерянную идентичность и сферу самовыражения за пределами общественных структур. Их социальная активность проявляется в приверженности сильным лидерам политических, национальных или даже мафиозных образований, группирующим вокруг себя «команды» сторонников. Создаётся социальная среда для разрастания nepотизма, способствующего и сопутствующего авторитарным тенденциям.

Государственно-институциональные (политические) предпосылки авторитаризма обусловлены распадом прежней системы административных институтов, худо-бедно обеспечивавших функционирование государственного организма как единого целого. Созданная на её месте альтернативная система оказалась недостаточно функциональной, неспособной обеспечить ни эффективного прохождения управленческих импульсов сверху вниз, ни корректирующего воздействия обратных импульсов – снизу вверх. Коренные пороки прежней системы управления оказались не ликвидированными, а как бы возведёнными в степень. А это, в свою очередь, породило в обществе сильное стремление к поиску формулы «действующей государственной власти».

Вместе с институтами тоталитарной власти рухнули и основанные на принуждении регулирующие и контролирующие механизмы общественно-политической жизни. Как в силу объективных трудностей трансформации этих механизмов, приспособления их к новым условиям, так и в результате радикального нетерпения пришедших к власти демократов путь эволюционного перехода к демократии оказался для России закрытым. А немедленное создание принципиально новых механизмов оказалось невозможным в силу отсутствия главного условия работающей демократии – зрелого гражданского общества, в котором взаимодействие чётко структурированных частных интересов создавало бы потребность в их сбалансированности на уровне общего интереса и формировало бы демократические средства решения этой задачи.

Перед угрозой полного распада власти, чреватого анархией и гражданской войной, «откат» к прежним методам и структурам властвования стал в какой-то мере неизбежным. В недрах новой власти (президентской, правительственной, региональной) за демократическим фасадом стали формироваться властные структуры, весьма близкие по функциональной направленности и способам дея-

тельности к тем, которые существовали в прежней системе. Действия органов президентской администрации стали во многом напоминать стиль и методы работы аппарата КПСС. Тем самым авторитарные тенденции получили инструментально-аппаратные рычаги для своей реализации и исходную базу для начавшейся институализации авторитарного правления. Свидетельство тому – концентрация силовых институтов (армии, органов внутреннего порядка, служб безопасности) под эгидой одного лица, по существу выведение их из-под демократического контроля.

Не только факты, но и вся логика развития нынешней политической системы, говорят о том, что авторитарные формы и способы властвования возрождаются на новой основе, пышным цветом расцветая в созданных под демократическими вывесками государственных и политических институтах, в самом характере деятельности чиновников и функционеров «демократического набора».

Новая политическая элита, ещё недавно столь рьяно призывавшая решительно покончить с наследием тоталитаризма и упрекавшая М. Горбачёва и шестидесятников в непоследовательности, получив власть, вдруг узрела вокруг себя, в её же возвращённой системе всё те же пороки, часто даже в более уродливых проявлениях: бюрократизацию, попрание законов, субъективный произвол, привилегии, клиентелизм, взяточничество, коррупцию. Поднятые на вершину власти, демократы оказались в плену авторитарных стереотипов политического мышления и способов действия.

Новоиспечённая политическая элита оказалась жертвой «иронии истории»: её радикальные намерения в реальном политическом процессе отчётливо обрели реставраторские черты. В её среде в связи с этим обнаружили внутренние противоречия. Одни, отбросив демократические идеалы, открыто ратуют за авторитарную власть, а некоторые и за восстановление монархии; другие ради благ и карьеры стыдливо приспособляются к существующим порядкам; третьи мягко фрондируют, надеясь на изменения к лучшему; четвёртые разочаровались в политике и занялись коммерцией; пятые, порвав с истеблишментом, перешли в оппозицию. Как бы там ни было, налицо дискредитация и новой власти, и стоящей за ней политической элиты, а вместе с ними, к сожалению, и самих понятий «демократии» и «демократических реформ».

Оборотная сторона кризисных процессов в системе власти – растущая политическая пассивность населения, также способствующая наступлению авторитаризма. Низко упал кредит доверия к власти, которая много обещала, но показала неспособность не только выполнить обещания, но хотя бы противостоять углублению кризиса. Согласно ноябрьскому мониторингу Центра «Социоэкспресс» Института социологии РАН, Президенту РФ не доверяли 76% опрошенных, правительству – 47%, местным органам исполнительной власти – 74%. Не пользуются сколько-нибудь значительным авторитетом у населения и политические партии. По данным того же мониторинга, им не доверяют 74% респондентов. Из общественных институтов России

относительным доверием граждан пользуется лишь армия (баланс доверия-недоверия равен +12) и церковь (+25). Всё заметнее равнодушие к политическим «играм» наверху.

Потеря властью кредита народного доверия порождает готовность поддержать харизматического лидера, который действует неординарно и даже экстравагантно. Подобная обстановка как нельзя лучше благоприятствует экстремистским силам справа и слева, стремящимся к утверждению жёстких форм авторитарной власти. Дух самовластия пронизывает политическую атмосферу российского общества, создавая питательную среду для становления авторитарного режима.

Перечисленные предпосылки достаточно определённо вписываются в социокультурные исторические традиции России. Прежде всего, это традиция сильной централизованной государственности, всегда служившей своего рода обручем для сохранения единства и целостности страны со столь обширной территорией и беспрецедентным социокультурным многообразием. В силу этого на протяжении веков самодержавное государство в России довлело над личностью и обществом. Русский историк и философ К. Д. Кавелин справедливо отмечал, что «у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала»; «индивидуальность в этих условиях задыхалась», она «не имела простора»¹. И поныне это историческое наследие сильно сказывается на политическом развитии российского общества, действуя в пользу авторитаризма и авторитарии.

«Отсутствие личного начала» в посттоталитарных условиях приобретает специфический смысл, обусловленный отсутствием или слабой выраженностью социокультурных факторов, способствовавших на Западе образованию институциональной и нормативной «инфраструктуры», в рамках которой происходила игра частных интересов, выработка соблюдаемых «игроками» цивилизованных правил поведения. Среди таких факторов – унаследованная от традиционно-общинных образований «социальная моральность», которая сыграла важную роль в становлении демократических институтов западного общества и служит гуманистическим противовесом обезличенным инструменталистским тенденциям индустриальной цивилизации. Немалое значение имело и культурное наследие эпохи Просвещения, сфокусированное на ценностях свободы, равенства, справедливости, ставших несущей конструкцией западной политической культуры. Следует отметить и ассоциативные связи гражданского общества, в которых особенные частные интересы соединялись с общим публичным интересом.

Отсутствие этих факторов, амортизирующих крайности индивидуализма и смягчающих отчуждение, придаёт атомизации российского общества особо разрушительный характер и в личностном, и в социальном планах. Возникает некий феномен «безличностного индивидуализма», который не имеет под собой социально сбалансированного основания в виде устоявшегося частного интереса. Черты пове-

¹

дения и ценностные установки индивида, формирующие личность как социальное явление, оказываются стёртыми и затушёванными. В действиях индивида доминируют сугубо эгоистические (не социализированные) мотивы, устремления, стимулы, несущие в себе хаос, разрушение и антагонизмы.

Такой индивидуализм не может быть опорой ни либеральной, ни социальной демократии. Встаёт совсем другая проблема общественной жизнедеятельности: "склеивания" элементарных форм упорядоченного социального взаимодействия, автономных по отношению к непосредственным, по большей части конъюнктурным и случайным интересам индивидов. Таков в наших условиях первый этап пути к социализации индивидов, становлению их как личностей. Пока этот этап не пройден, степень вероятности «авторитарного варианта» развития будет сохраняться на высоком уровне.

Прорыв перестройки и начавшийся с этого момента отсчёт времени демократической реформации свидетельствуют о том, что в широком историческом плане в России назрела острая потребность в демократии. Но эта потребность не может быть реализована в одночасье. По всем признакам, переход займёт несколько десятилетий. В течение столь длительного переходного периода общество будет трансформироваться, скорее всего, по своеобразной модели «пульсирующего» развития, в котором прорывы к демократии будут чередоваться с временными передышками, отступлениями и рецидивами авторитаризма.

Сегодня напряжение и усталость, вызванные издержками происшедших больших перемен, подвели российское общество к рубежу, по-видимому, неотвратимого отката. За ним стоят не какие-то случайные причины или досадные промахи, а кризис адаптационных возможностей российского общества, испытывающего огромные, а в чём-то и непосильные напряжения революционной по сути трансформации. Однако границы происходящего отката, равно как и мера удержания уже завоёванных позиций, отнюдь не predetermined. Они находятся в прямой зависимости как от состояния и активности реальных носителей авторитарных тенденций, так и от силы противодействия им.

О степени поддержки населением авторитарных тенденций в российском обществе можно судить по нынешнему состоянию общественного сознания, удельному весу в нём авторитарных форм мышления, установок и настроений.

В принципе, ни одно общество не свободно от совокупности лиц, менталитет и ценностные ориентации которых относятся к авторитарному типу. Он характеризуется неприятием индивидуальной свободы как самоценности, готовностью подчинять личное общему благу, склонностью воспринимать информацию не самостоятельно, а в соответствии со сложившимися стереотипами, нетерпимостью ко всему выходящему за рамки привычного, способностью без насилия над собой вписываться в некую общность, растворяться в ней, обретая в этом высший смысл существования и т. д. Обычно группа лиц с

таким типом сознания составляет незначительное меньшинство, занимает в обществе маргинальное положение и не оказывает заметного влияния на политическую жизнь.

Россия не представляет собой исключения. Конечно, некоторые особенности её непростого исторического пути сказались на народной ментальности и привели к некоторому увеличению авторитарно ориентированной части населения. Но это обстоятельство не имеет определяющего значения. Удельный вес личностей авторитарного типа в России немногим отличается от того, который зафиксирован в западных странах. Об этом свидетельствуют и данные, полученные Институтом социологии РАН в рамках исследования социально-политического самочувствия россиян в 1992 и 1993 гг. Согласно таблице, отражающей результаты кластерного анализа за 1992 г., распределение респондентов по их отношению к формам правления выглядело следующим образом (табл. 1)².

Таблица 1.

Отношение к формам правления (в %)

Характер предпочтения	По 1 варианту расчёта	По 2 варианту расчёта
Убеждённые демократы	3,4	2,6
Сочувствующие демократии	28,5	23,4
Промежуточная группа	49,8	54,1
Сочувствующие авторитаризму	16,5	18,5
Сторонники жёсткого авторитаризма	1,7	1,6

Допустимо предположить, что лица, заявившие о себе как о «сторонниках жёсткого авторитаризма», – скорее всего принадлежат к авторитарному социопсихологическому типу. Те же, кто зафиксирован как «сочувствующие авторитаризму», должны, вероятно, рассматриваться как люди, в основном недовольные неэффективностью, некомпетентностью и несостоятельностью нынешних властных инстанций. Но даже если к сторонникам жёсткого авторитаризма прибавить часть сочувствующих ему, их доля увеличится не на много.

Авторитаризм приобретает в нашем обществе массовых носителей – реальных и потенциальных – не потому, что в России много людей, приверженных соответствующему типу сознания, а потому, что к этому подталкивают кризисные процессы в развитии системы власти и невыполнение ею управленческих функций.

За последние годы получили распространение две формы восприятия российской действительности, способствующие созданию климата, благоприятного для утверждения авторитарного правления.

Во-первых, это, как уже отмечалось, катастрофическое падение доверия к властным структурам и, в качестве следствия, безразличие к судьбе власти. На поведенческом уровне это проявляется в отказе от участия в политических акциях, в том числе в выборах, в отключении от информации, имеющей отношение к политике, в сведении до минимума контактов с административными органами, в игнорировании принимаемых властями инструкций, распоряжений, указов и даже законов.

Во-вторых, это усиливающееся желание получить власть, способную навести в стране порядок. Убеждаясь в слабости нынешних властных структур и взвешивая масштабы подлежащих решению задач, люди, естественно, приходят к заключению, что власть должна быть «сильной». Под этим общим знаменателем в общественном сознании утверждается система политических ценностей, для которой характерны такие ключевые понятия:

- безопасность, понимаемая как готовность и способность власти справиться с захлестнувшей Россию криминальной волной, обеспечить гражданам защиту от своеволия чиновничества, неформальных вооружённых формирований, положить конец межнациональным конфликтам;

- законность, трактуемая как стабильный порядок, при котором обеспечены преемственность и нерушимость юридических актов, гарантированы права собственности, поставлены пределы коррупции, поразившей управленческие структуры;

- державность, отражающая чувство оскорблённого национального (государственного) достоинства и предполагающая проведение политического курса, способного обеспечить реализацию реинтеграционных процессов на территории бывшего СССР, положить конец попыткам дальнейшего дробления Российской Федерации, поправить интересы России странами ближнего и дальнего зарубежья, восстановить её международный авторитет;

- ценностный традиционализм, ориентированный на такие, уходящие корнями в прошлое, представления, как уважение к труду, семье, профессионализму, религиозной морали, неприятие разграбления общественного достояния, ростовщичества, спекуляции, чрезмерного социального расслоения.

Возможна ли сильная демократическая власть, которая корреспондировала бы этим политическим ценностям, реализовывала бы их позитивное содержание? Мировой политической опыт доказывает, что возможна. Однако современная Россия находится в таком состоянии, когда слабости молодой российской демократии, возведённые в квадрат нетерпением и нетерпимостью её лидеров, породили массовое разочарование в способности демократической власти стать достаточно сильной, чтобы отстоять общенациональные интересы и ценности, навести в стране должный порядок.

На фоне глубокого кризиса российской демократии и бессилия власти нарастающее стремление к утверждению совокупности перечисленных ценностей имплицитно ориентировано на некую силу

(«твёрдую руку»), готовую и способную кардинально решить накопившиеся проблемы. Иными словами, эта ориентация увязывается в общественном сознании с установкой на авторитарные формы правления.

В столь односторонне «авторитаризованном» восприятии «сильной» власти рассмотренный выше набор понятий не согласуется с рядом основополагающих ценностей демократии: политическим и идейным плюрализмом; представительной системой правления, ответственностью парламентариев перед избирателями, исполнительной власти – перед парламентом и т. д. Демократическим принципам, дискредитированным в глазах населения практикой правления радикальных и «номенклатурных» демократов, противопоставляется элитарность; результаты выборов трактуются как проявление незрелости электората, парламентская деятельность – как пустая трата средств и времени, как бесполезная говорильня.

В сознании части населения укореняется представление, будто демократия несовместима с сильной властью и поэтому гарантом правового государства может стать лишь авторитарный режим. Это представление вряд ли изменится, пока на деле не будет доказана возможность сильной и эффективной власти в условиях демократии.

Можно ли оценить количественно формы сознания и поведения, благоприятствующие утверждению авторитаризма? Некоторые характеристики, выявляющие основные тенденции, вполне возможны.

На протяжении четырёх лет в России происходит поступательный рост абсентеизма. В президентских выборах 1991 г. приняли участие 74,66% списочного состава избирателей. В референдуме (апрель 1993 г.) доля принявших участие в голосовании составляла 63,82%. На декабрьских выборах 1993 г. доля бюллетеней, выданных при голосовании по проекту новой Конституции, равнялась 54,8%. На дополнительных парламентских выборах, а также выборах в местные органы власти, состоявшихся в 1994 г., активность избирателей была ещё ниже.

Электоральный опыт зарубежных стран свидетельствует, что абсентеизм в размере 15% представляет собой усреднённую норму и вызван в основном объективными причинами. За этими пределами неучастие в голосовании по большей части выражает осознанное нежелание участвовать в выборах. В российском обществе динамику осознанного абсентеизма в федеральном электоральном процессе можно вывести из следующих цифр: в 1991 г. в выборах не участвовало 20,3%; в 1992 г. – 21,2%; в 1993 г. – 30,2%. Эти показатели близки к выводам аналитического центра Фонда «Общественное мнение»: по данным на 1994 г., в любых предстоящих выборах не намеревались участвовать от 30 до 35% избирателей.

Не исключено, что масштабы абсентеизма будут расти и в дальнейшем. Резервы для такого роста налицо. Одно из свидетельств этому – данные Международного института маркетинговых исследований GFK-Rus (см. табл. 2).

Распределение ответов на вопрос:
 "Каковы Ваши чувства по отношению к политике и политическим
 событиям?" (2080 face-to-face интервью, Россия, январь-февраль
 1994 г.)

Эмоция	Первый выбор (%)	Второй выбор (%)
Огромный интерес	6	2
Участие, сопереживание	13	12
Равнодушие, безразличие	19	11
Недоверие	23	24
Отвращение	5	8
Досада (гнев)	7	15
Воодушевление (радость)	0	1
Скука	4	8
Некоторый интерес	22	16

По результатам того же опроса выяснилось, что только 25% респондентов интересуются (18%) или очень интересуются (7%) политикой, 51% – интересуются немного или чуть-чуть, а 23% совсем не интересуются. Было бы преувеличением зачислять всех абсентеистов в социальную базу автократического поворота. Очевидно, однако, что на них нельзя рассчитывать как на активных противников автократическим порядкам, а многие из абсентеистов, несомненно, таким порядкам симпатизируют. Опыт довоенной Германии показывает, что электоральные успехи нацистской партии были в значительной степени результатом интенсивной электоральной мобилизации "партии неголосующих".

Сложнее вычленивать категорию граждан, готовых поддержать авторитарную власть из убеждения, что она выведет страну из кризиса. Надо полагать, что в основном они будут рекрутироваться из тех групп населения, которые считают нынешнее положение трудным или даже нетерпимым. Численность их велика и проявляет устойчивую тенденцию к росту. Её фиксируют все профессионально проводившиеся опросы.

Оценка жизни собственной семьи и большинства россиян по результатам исследований Международного института маркетинговых исследований GFK-Rus выглядит следующим образом (в %):

	2080 face-to-face интервью, Россия сентябрь-октябрь 1993	2073 face-to-face интервью, Россия январь-февраль 1994	2000 face-to-face интервью, Европейская часть России, июль 1994

	Жизнь Вашей семьи	Жизнь большин ства россиян	Жизнь Вашей семьи	Жизнь большин ства россиян	Жизнь Вашей семьи	Жизнь большинст ва росси- ян
Лёгкая	2	1	1	0	1	0
Не очень трудная	37	15	32	13	30	15
Трудная	52	65	56	69	58	70
Невыно- симая	7	16	8	15	8	11
Затруд- няюсь отве- тить	2	3	2	3	2	4

Аналогичную картину даёт мониторинг Центра «Социоэкспресс» Института социологии РАН (ноябрь 1994 г.). На вопрос "Как изменилась Ваша жизнь за последние 6 месяцев?" только 2% опрошенных ответили "стала гораздо лучше" и 11% - "немного лучше". В представлениях 31% жизнь "осталась такой же", а для 55%, т. е. для большинства, она «стала хуже».

Согласно опросу россиян, проведённому в 1993 г. Службой изучения общественного мнения, руководимой Б. А. Грушиным, условия жизни как «скорее нетерпимые» или «совершенно нетерпимые» оценили свыше 47% опрошенных. Опасались перемен к худшему или были уверены в таких переменах свыше 52%.

Весьма пессимистично выглядит и оценка респондентами общей политической ситуации в России. Согласно ноябрьскому мониторингу Института социологии РАН, только 6% опрошенных считают, что она «стала гораздо лучше» (1%) или «немного лучше» (5%). В представлении 29% она «осталась такой же», а 47% полагают, что она «стала хуже», при этом по оценке 26% «гораздо хуже».

Опросы, проведённые Международным институтом маркетинговых исследований GFK-Rus в январе-феврале 1994 г., показывают, что 68% респондентов «скорее разочарованы» (42%) или «крайне разочарованы» (26%) изменением политической системы, а 22% не ожидали от перемен ничего хорошего; только для 9% их ожидания в общем исполнились.

По данным ноябрьского (1994 г.) мониторинга Института социологии РАН наибольшее беспокойство населения вызывают инфляция, рост цен (70%), преступность (56%), безработица, угроза потерять работу (33%), безвластие (19%), коррупция и злоупотребления государственных чиновников (20%), состояние здравоохранения (19%), угроза массовых беспорядков, кровопролитий (9%); 70% респонден-

тов высказали мнение, что руководство в основном или же вообще не контролирует положение в стране.

Можно констатировать, что именно под воздействием сложившихся условий в общественном сознании активно формируется установка на сильную власть. Если по результатам face-to-face интервью, проведённых Международным институтом маркетинговых исследований в июле 1991 г., 51% опрошенных считали, что демократия в любом случае лучше, чем диктатура, то в последующих опросах эта цифра неуклонно снижалась и достигла в июле 1994 г. 35%. Напротив, если в июле 1991 г. только 20% опрошенных соглашались с утверждением, что при определённых условиях диктатура может быть лучше, чем демократия, то в июле 1994 г. их доля поднялась до 30%. О подобных же настроениях свидетельствует и распределение ответов на вопрос о предпочтительной политической системе, что иллюстрируют данные следующей таблицы.

Вопрос: «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?» (2080 face-to-face интервью, Россия, январь-февраль 1994 г. (%))

утверждение	Да	Нет
Должна быть восстановлена прежняя коммунистическая система	31	69
Армия должна управлять страной	14	85
В сущности, нам не нужен парламент и выборы, а нужен сильный человек, который может быстро принимать решения	63	36
Важнейшие хозяйственные (экономические) решения должны приниматься экспертами, а не правительством и парламентом	71	28
Должна быть восстановлена монархия	11	87

Правда, следует подчеркнуть, что склонность к поддержке жёстких авторитарных методов управления обществом не является пока доминирующей. Это демонстрируют данные следующей таблицы.

Таблица 3.

Вопрос: «Будут ли способствовать положению дел в стране перечисленные ниже меры?» (Материалы мониторинга за ноябрь 1994 г. Центра «Социозкспресс» ИС РАН)

Предлагаемые меры	Будут	Не будут	Затрудняюсь ответить
Усиление власти президента	34	41	25
Роспуск Федерального собрания и введение прямого президентского правления	18	47	35
Временный запрет на деятельность всех политических партий	18	57	25
Запрет деятельности всех комму-	18	57	25

нистических партий			
Временный запрет на забастовки	18	58	25

Тем не менее, налицо очевидная тенденция, позволяющая говорить о далеко зашедшем процессе размывания демократических и укрепления авторитарных ценностей в общественном сознании России.

Следует отметить, что степень недовольства, а, следовательно, и склонность поддержать авторитарные силы, территориально неравномерна. Она выше в провинции, чем в столице и крупных мегаполисах, а в наиболее кризисных регионах (Северо-Западном, Северо-Кавказском, Центрально-чернозёмном, Восточно-Сибирском, Дальневосточном) сильнее, чем по стране в целом.

Различна склонность к поддержке авторитарных тенденций и в разных слоях населения. Она наиболее высока среди инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих военно-промышленного комплекса, управленческого персонала низшего и среднего звена, части творческой интеллигенции, сотрудников правоохранительных органов и офицеров вооружённых сил, безработных.

Охарактеризованное выше состояние общественного сознания создаёт благоприятный климат для роста авторитарных тенденций. Однако их реализация, если не в решающей степени, то во многом зависит от наличия влиятельных носителей этих тенденций в высших эшелонах власти. Положение здесь достаточно противоречивое. Объясняется это тремя главными причинами. Во-первых, нынешняя российская элита, не успевшая сформироваться как единое целое, весьма гетерогенна. Во-вторых, свойственная влиятельным группам властвующей элиты тяга к авторитаризму находится в противоречии с той системой взглядов и лозунгов, с помощью которых она пришла к власти и приобрела политическое влияние. В-третьих, носителями авторитарных тенденций выступают и экстремистские оппозиционные группы, пытающиеся использовать массовое недовольство для завоевания власти.

Нынешняя правящая элита сложилась на двойственной основе. С одной стороны, это бывшая интеллектуальная контрэлита, поднявшаяся к власти на демократической волне противостояния тоталитарной системе. С другой – это выходцы из второго и третьего эшелонов партийно-хозяйственного актива. Эти две части сосуществуют в рамках властных структур, так и не слившись полностью.

Из интеллектуальной, именующей себя демократической, контрэлиты к властным функциям пробилась, как правило, не лучшая. Наиболее искренних и нравственно ориентированных отодвинули на обочину политики, и они в своём большинстве вошли в состав умеренной, а отчасти и крайней, оппозиции. У тех же, кто приблизился к плодам власти, стремление сохранить завоёванные позиции стало доминирующим. Пока эта задача решалась поддержкой политически мобилизованных масс, названная группа демонстративно выступала за демократию. По мере же утраты массовой поддержки всё

рельефнее проявляются её откровенные симпатии к элитарному авторитаризму. Процесс ещё не закончен, но достаточно ясно сказывается на поддерживаемом ею политическом курсе.

Что касается выходцев из партийно-хозяйственного актива, то большинство из них с самого начала воспринимало демократические лозунги как вынужденно необходимый внешний ритуал, с которым следует считаться, минимизируя его воздействие на практику. В своём поведении и привычках они, если и отличались от старой элиты, то чаще в худшую сторону, так как обладали меньшим опытом и профессионализмом. Обращение к авторитарным методам, особенно при общем падении уровня управляемости, соответствовало и соответствует их внутренним убеждениям и стереотипам поведения. В некоторых регионах страны эта группа правящей элиты занимала и занимает доминирующие позиции.

Противоречие между прокламируемой приверженностью к демократии и склонностью к авторитарным формам правления воспринимается правящей элитой по меньшей мере как неудобство. Всё очевиднее её готовность снять противоречие с помощью псевдотеоретической софистики: автократическая форма правления провозглашается наименее болезненным путём к демократии, поскольку-де обеспечит быстрое и решительное устранение преград, мешающих утверждению демократических порядков. В последнее время к этому добавлен и другой аргумент: население России не созрело-де для демократии, для этого необходим просвещённый авторитаризм. Частичным сдерживающим фактором для правящей элиты является необходимость противодействия откровенному авторитаризму ряда оппозиционных течений и групп. Феномен В. Жириновского показал, что тщательно готовящимися законодательными мостами к автократическому правлению могут воспользоваться совсем не те, для кого они строились.

Тормозит движение к авторитаризму и дифференцированность самой элиты. Составляющие её группы, особенно региональные, опасаются, что автократия центра, к тому же прибегающая, не задумываясь, к военной силе, отторгая политический плюрализм, утвердит монопольное положение в системе власти одной из групп, оттеснив все другие.

Региональные элиты порой даже оказывают сопротивление автократизму Центра, не желая поступаться завоёванными позициями. Вместе с тем им свойственно стремление к консолидации авторитарной власти на своём региональном уровне.

Не одинаково относятся к авторитаризму и разные функциональные группы правящей элиты. Та её часть, которая функционирует в политической сфере и сохранила связи с влиятельными демократическими силами, вынуждена учитывать их интересы и, хотя бы внешне, проявлять осторожность в отношении авторитарных устремлений. Другая же часть (особенно близкая к центральной администрации, правоохранительным и другим силовым органам, высшим хозяйственно-управленческим структурам) более откровенно поддерживает авторитарные формы правления. В пользу авторитарных методов вы-

ступает и часть верхушки организованной преступности, опасаясь демократических порядков. Благодаря близости к правящим структурам, она закрепила свои позиции и хотела бы под эгидой авторитарической власти сочетать мафиозную активность с легализованным бизнесом.

Не исключено, что при резком обострении обстановки в стране главными проводниками авторитаризма станут экстремистские силы, оппозиционные нынешней власти. Однако наиболее вероятной является чётко выявившаяся авторитарная трансформация нынешних властных структур.

Способен ли авторитаризм решить стоящие перед страной проблемы и какой ценой? Человеческим сообществом накоплен богатый опыт, позволяющий реалистически оценить действительные возможности авторитаризма. О чём он свидетельствует?

- Утверждения, будто авторитаризму свойственна высокая эффективность при решении стоящих перед обществом проблем, в значительной мере покоятся на мифологии. Авторитарные методы в сфере управления могут быть действенными лишь на протяжении короткого времени. При этом решение проблем зачастую оказывается мнимым. Оно влечёт за собой возникновение новых проблем, зачастую более сложных, чем те, от которых вроде бы удалось избавиться.

- Авторитаризм препятствует развитию системы саморегуляции субъектов общественной жизни. Вместо создания условий для их организации и деятельности он пытается напрямую руководить ими. Блокируя обратные связи с нижестоящими звеньями иерархической вертикали, он лишает центр принятия решений правдивой информации о происходящих в обществе процессах. Тем самым утрачивается возможность, опираясь на информацию о реакции общества на политику центра, вносить коррективы как в стратегическую линию поведения, так и в конкретные решения. Концентрация принятия принципиальных управленческих решений в руках одного лица и узкого круга его приближённых снижает степень управляемости обществом: во-первых, существуют физические пределы, ограничивающие круг проблем, подлежащих оценке и регулированию; во-вторых, сами решения неизбежно деформируются личными настроениями, односторонностью информации, воздействием придворных интриг и т. д.

- Расчёты на эффективность авторитаризма исходят из предположения, будто можно создать безотказно действующую управленческую вертикаль, адекватно передающую импульсы сверху. Однако такая модель невозможна даже в устойчивом традиционалистском обществе, поскольку на каждом отрезке вертикали возникают отклоняющие "шумы", вызываемые индивидуальными или групповыми интересами, не совпадающими с интересами верхушки. В нестабильном же обществе, находящемся в кризисной ситуации, отклоняющие "шумы" настолько велики, что исходное содержание первичных импульсов часто исчезает уже на верхних ступенях иерархической лестницы.

- Преодоление отклоняющих "шумов" создаёт потребность в огромном числе контролёров, что влечёт за собой нерегулируемый

рост бюрократического аппарата. К тому же контролёры сами попадают под воздействие отклоняющих "шумов". Как следствие возникает проблема контроля над контролёрами. Иллюзорные надежды на эффективность авторитарного правления оказываются погребёнными под громоздкими пластами бюрократических наслоений.

- Авторитарная система управления неизбежно порождает и ущербную форму кадровой селекции, при которой определяющее значение для выдвижения работников имеют не профессионализм и квалификация, не способности и нравственные достоинства, а личная преданность вышестоящим, угодливость и беспрекословная исполнительность. Принципиальные и самостоятельные люди не задерживаются в управленческом аппарате. В конце концов, подобная негативная селекция подрывает эффективность управления.

Надо признать, что в обстановке острого кризиса авторитаризм может быть функциональным. Присущими ему методами можно предотвратить распад управленческих структур и самой государственности, мобилизовать ресурсы для придания развитию общества ускоряющих импульсов. В ситуации хаоса и разочарования, используя веру в своё историческое предназначение, харизматический лидер способен консолидировать массы населения, пробудив в них энергию социального действия. Однако достигаемый эффект возможен лишь при весьма специфических условиях и в пределах относительно короткого исторического периода. При этом в конечном счёте он чреват большими издержками для общества. Ссылки на экономические успехи авторитарных режимов, используемые в политической публицистике, основаны, как правило, на односторонней или искажённой, интерпретации исторических реалий. В большинстве случаев экономический подъём был обусловлен не утверждением авторитарных режимов, а начавшимся их разложением, осознанной авторитарными верхами необходимостью пойти на ослабление жёстких методов управления обществом, либерализовать контроль не только над экономическими, но и социально-политическими процессами. В свою очередь экономический подъём ускорял разрушение устоев авторитарных режимов, способствовал их окончательному краху. Отдельные исключения объясняются совпадением множества благоприятных обстоятельств и не опровергают основной тенденции.

В самой общей форме можно представить себе три возможных варианта российского авторитаризма. Первый вариант - мягкий («демократический»), при котором сохраняются основные экономические и политические свободы, но ограничивается определённый весьма важный круг демократических прав, позволяющих обществу контролировать действия власти. Скажем, временно отменяются выборы в представительные органы, сводятся на нет парламентский контроль над правительством, по существу не соблюдается разделение властей.

Второй вариант - умеренный или даже жёсткий авторитаризм, при котором в политической сфере применяются достаточно твёрдые авторитарные методы. Например, запрещается деятельность политиче-

ских партий, ограничиваются свобода слова и другие политические свободы. Одновременно допускается и поощряется широкая либерализация хозяйственной деятельности.

Третий вариант – жёсткий авторитаризм, смыкающийся с тоталитаризмом и при определённых условиях переходящий в него. Для его установления недостаточно одних экономических трудностей. Но если они соединятся с обострением других социальных проблем (национальной, внешнеполитической, кризисом власти), то властные структуры могут прибегнуть к тотальному государственному регламентированию и контролю над всеми сферами общественной жизни. Осуществление подобной модели требует сплочённости рядов самой власти, поддержки её силовыми структурами, а также гарантий по меньшей мере нейтрального отношения к ней Запада.

Пока трудно дать окончательный ответ на вопрос, в сторону какого из вариантов склонится чаша весов в России и дойдёт ли дело до установления в ней целостной системно-институализированной автократии. Дело в том, что в стране налицо факторы и обстоятельства, противостоящие авторитаризму. Среди них наиболее значимыми кажутся следующие.

- Свежий в памяти миллионов людей негативный опыт функционирования жёсткой этатистско-патерналистской системы и её губительные следствия: убывающая эффективность, негативная кадровая селекция, бесконтрольное самовластие административно-управленческого аппарата, попрание прав и достоинства личности.

- Нежелание наиболее интеллектуальной и политически активной части граждан, получивших за годы перестройки возможность вкушать плоды идеологической раскованности, гласности, плюрализма, пожертвовать достигнутыми демократическими завоеваниями.

- Начавшийся процесс становления самостоятельных субъектов социально-экономической жизни, ещё недостаточно мощных для образования прочной системы гражданских связей, способной гарантировать стабильную демократию, но уже обладающих значительным антиавторитарным потенциалом.

- Гетерогенность правящей элиты, препятствующая её сплочению вокруг одной личности с достаточно цельной объединяющей программой действий.

- Неравномерность и неоднозначность экономического, социального и политического развития регионов России, препятствующие формированию монолитной системы авторитарных институтов.

- Отсутствие на политической арене достаточно влиятельной политической силы, располагающей национально признанным харизматическим лидером и готовой претендовать на роль каркаса авторитарного режима.

Сила всех этих факторов такова, что даёт основание заключить: на данный момент наибольшая опасность состоит не в установлении

оформленного автократического режима, а в фактическом вползании в «авторитарную ситуацию» – состояние, при котором правящие группировки, сохраняя видимость конституционной легитимности, фактически узурпируют все властные функции. Осуществляется это скрыто, за кулисами официального политического процесса, по большей части незаметно для широкой общественности. Порой всплывают фамилии лиц, которые, не будучи избраны или конституционно назначены на ключевые посты, тем не менее способны влиять на принятие важнейших государственных решений. То и дело доносятся слухи о торге и разборках между неформальными политическими группировками на разных уровнях. Формально в нормах и процедурах ничего не меняется, но на деле происходит блокировка функционирования демократических каналов осуществления власти и контроля над нею, прикрываемая имитационными манёврами. Центр тяжести реального выполнения властных функций перемещается в сферу взаимоотношений узкой группы или групп лиц, образующих структуру авторитарной власти.

Этому способствуют и некоторые особенности Конституции, скроенной под конкретную авторитарно ориентированную личность и навязанную обществу после трагических событий в Москве в октябре 1993 г. Одна из особенностей этой Конституции – глубокий разрыв между провозглашёнными правами и свободами личности и властным инструментарием, позволяющим сконцентрировать в одних руках все функции государственного управления и фактически исключающем реальное разделение властей. Как подтвердил опыт первого года действия этой Конституции, в кризисных условиях она может послужить трамплином для перехода от «авторитарной ситуации» не только к «мягкому», но и жёсткому авторитаризму.

Угроза, исходящая от «авторитарной ситуации», заключается в том, что она легко может оказаться промежуточной станцией на пути к произвольному использованию принудительных силовых и административных действий там, где демократия обязывает к поиску согласия и компромиссов. Не менее опасна «авторитарная ситуация» застойной инерционностью длительного существования такого положения, при котором социальные группы и отдельные индивиды «привыкают» к состоянию равновесной неопределённости и переключают энергию своей жизнедеятельности в сферу частного или личного интереса. Подобного рода инерционность становится труднопреодолимым препятствием к оздоровлению общества и формированию массовой демократической культуры.

Можно ли рассчитывать на то, что «авторитарная ситуация» или вырастающий из неё авторитарный режим в состоянии решить хотя бы текущие проблемы нынешней России? В подтверждение того, что такие решения возможны, по крайней мере в экономической области, приводятся следующие соображения.

Во-первых, можно, мол, надеяться на быстрое и комплексное законодательное обеспечение трансформационного процесса. Ведь практика демократического принятия законов в российских условиях

пока что малоэффективна. Из-за длительных дискуссий и согласований законы принимаются медленно. Главное же – учёт столь многих интересов приводит к тому, что законы становятся сверхкомпромиссными, часто не согласуются друг с другом, и, в итоге, остаются неработоспособными.

Здесь перечислены действительные проблемы и трудности демократического процесса, которые особенно остро проявляются в условиях, когда зрелая демократия ещё не сложилась. Но это ни в коей мере не означает, что назревшие вопросы будут быстро и эффективно решены авторитарной властью. Последняя неизбежно будет испытывать давление различных групп правящей элиты. Последовательного и эффективного законодательства не получится. Свидетельство тому – нынешний «указной» механизм президентской власти. К этому следует добавить, что даже при самых мягких формах авторитаризма властные структуры не смогут ограничиться разработкой и внедрением законов, избежать соблазна взять на себя контроль над ними, отобрав эту функцию у судебной системы или поправ независимость последней. Законы будут служить не столько целям реформирования общества, сколько интересам доминирующих элитных групп автократической власти.

Во-вторых, сторонники авторитарных методов полагают, что с их помощью можно провести ускоренное формирование рыночных институтов, надёжно гарантировав права частной собственности, материальную и юридическую ответственность собственников, обеспечить организационные механизмы управления экономическими и социальными процессами, свободу предпринимательства, свободу договоров и т.д. Утверждается, что авторитарная власть лучше, чем демократическая, сможет провести кардинальные изменения в денежной, финансовой и кредитно-банковской сферах. Но ведь эффективность перечисленных мер определяется прежде всего тем, насколько общество доверяет власти, удастся ли ей достичь в своих рядах консенсуса по проводимым мерам. Пока у нас таких условий нет. Исполнительная власть (как правительственная, так и президентская) не имеет единой целостной концепции трансформации экономики, действует методом проб и ошибок, зачастую «на авось», непоследовательно, отклоняясь от принятых принципов под давлением конъюнктурных обстоятельств и лоббистских групп. Ей недостаёт политической воли и социальной поддержки в стране. Именно поэтому нет оснований полагать, что в нынешних конкретных условиях удастся осуществить эффективные реформы авторитарными методами.

Следует также учитывать, что в экономической сфере возникли и действуют силы, не заинтересованные в усилении государственного воздействия на экономику. К ним относятся работники частных коммерческих структур, мелкие и средние предприниматели, отчасти руководители приватизированных предприятий. Конечно, их позиция неоднозначна: они хотели бы сохранить преимущества государственного патернализма, устранив в то же время государственную регламентацию. Тем не менее, несмотря на поддержку субсидирования и

неприятие реального конкурентного порядка, эти силы будут противодействовать попыткам усилить «управляемость» экономикой путём прямого государственного воздействия на хозяйственный процесс.

Поэтому авторитаризм в экономике будет, видимо, ориентироваться на иные силы. Содействуя процессу картелирования и синдицирования, он обопрётся на мощные финансово-промышленные группы, на монополистические образования, устанавливающие контроль над соответствующими сегментами народного хозяйства. Сращивание этих структур с государственной властью усилит авторитарную направленность управления экономикой с явно негативными последствиями для рыночных реформ.

В целом авторитарная власть в современной России, в какой бы форме и кем бы она ни осуществлялась, не в состоянии последовательно и системно реализовать экономическую реформу, обеспечивающую переход к цивилизованному рынку. В лучшем случае она способна на паллиативные меры, которые загонят противоречия внутрь и, скорее всего, завершатся очередным кризисным пароксизмом.

Авторитарный откат не даст сколько-нибудь удовлетворительного решения и социально-политических проблем России. Как показывает мировая практика, эти проблемы – обеспечение социальной справедливости и защиты граждан, регулирование конфликтов, межнациональные отношения и общественное согласие, создание правового государства, формирование многопартийной системы и массовой политической культуры, развитие начал самоуправления – решаются многолетней и отнюдь не лёгкой практикой демократических взаимоотношений, результатом и условием которой является не авторитаризм, а демократия.

«Просвещённый авторитаризм», который создал бы предпосылки для созревания российской демократии, – это очередная романтическая иллюзия. Не имея противовеса в лице ещё только зарождающегося гражданского общества, авторитарный режим, каким бы «мягким» он ни был у истоков и каковы бы ни были намерения его творцов, будет подчинён логике обретения абсолютной власти. И уж, конечно, он не проявит заинтересованности в укреплении фундамента демократии – институтов гражданского общества, которые поставили бы власть под контроль самоорганизованных граждан, осознавших свой общественный интерес.

Единственное, что он в состоянии сделать – подавить взрывы социального протеста, добиться внешнего социально-политического умиротворения путём применения силы или угрозы силой. Однако, как свидетельствует исторический опыт, социальная напряжённость, будучи вытесненной с поверхности, не исчезает, а, напротив, накапливает дополнительную энергию, которая затем прорывается наружу в особо разрушительных формах.

Очевидны последствия авторитарного правления и в культурно-идеологической сфере. На этом пути не избежать пагубных ограничений гласности, свободы информации, манипулирования обществен-

ным сознанием, сопровождаемых кадровыми перестановками и чистками. Что касается науки, искусства, культуры, оказавшихся в условиях всеобщей коммерциализации, то, разумеется, соблазнительны надежды на государственные субсидии авторитарной власти. И они будут. Но под определённым социальным заказом. С этим наше общество хорошо знакомо. Непростительно было бы из-за нынешних трудностей российской культуры забывать об уроках прошлого.

Не вызывает сомнений и то, что авторитарный откат затруднит с таким трудом начавшееся вхождение России в мировое сообщество. Не авторитаризм, а только демократия способна поднять её международный престиж, сделать центром притяжения в евразийском геополитическом регионе. Авторитарные эксперименты лишь затормозят наметившиеся процессы реинтеграции бывших республик Советского Союза, усилят подозрения других государств и мировой общественности в том, что возрождаются имперские устремления России.

Словом, авторитаризм не сулит российскому обществу ничего хорошего. И в то же время мало сомнений в том, что на нынешнем этапе авторитарного отката не избежать. Перед теми, кто сознаёт негативные последствия произошедшего и отстаивает перспективу демократического развития России, встаёт вопрос: какую позицию занять?

Каким видится сегодня общественное сопротивление авторитаризму? Противодействие ему исходит прежде всего от гражданского общества, проявляясь в создании антиавторитарных коалиций общественных и политических сил. Российское гражданское общество ещё только зарождается. Поэтому антиавторитарное движение будет, по видимому, формироваться не путём политического объединения групп, чётко кристаллизованных по основным признакам структурирования гражданского общества: социально-экономическим, социально-профессиональным, культурно-этническим и т. д. Дело не только в том, что многообразные общественно-политические общности, образующие первичные ячейки гражданского общества, ещё довольно аморфны, неустойчивы и не могут служить основой стабильных интересов, детерминирующих константные величины в сфере политики. Дело также в том, что эти общности сами по себе изначально не становятся политическими субъектами. Их социально-экономическое бытие непосредственно не трансформируется в политическую практику, а остаётся скорее на корпоративном уровне. Для того, чтобы возникли политические субъекты, должны заработать механизмы групповой идентификации и мобилизации этих общностей в системе взаимоотношений с другими общностями и государством. Такие механизмы вырастают из общности экономических, социальных или каких-либо иных признаков. Сейчас же эти механизмы, и ранее весьма слабые, подвергаются разрушению происходящей в России атомизацией индивидов и микрогрупп. В результате хрупкие неустоявшиеся частные интересы не столько поднимаются до уровня публичных, т. е. политических, сколько ещё больше дробятся и партикуляризируются.

Как в таком случае мог бы возникнуть достаточно мощный субъект демократического действия, способный заменить антиавторитарные коалиции классических образцов? Какими могут быть его идеология, стратегия и тактика?

Создание новой партии – самой демократической и прогрессивной – не решение проблемы хотя бы потому, что после многочисленных экспериментов российской многопартийности никто не поверит в спасительную миссию новой политической организации. Запас прекрасных слов, которыми можно было бы возвеличить её программу, также исчерпан в программных документах существующих партий.

Может быть, надо стремиться к созданию не партии, а союза партий? И в этом направлении попытки образования центристских союзов, равно как и социал-демократических организаций, не увенчались (и не могли увенчаться) успехом. Не добавляя ничего положительного к политической практике существующих партий, союзы к тому же отягощены грузом внутренних противоречий, парализующих их активность и дееспособность. Главное же, – и новые партии, и союзы партий, что бы они ни декларировали, остаются погружёнными в среду той же самой конфронтационной и авторитарной политической культуры, которая не в состоянии обеспечить гарантии демократического развития.

Возможной и, думается, перспективной моделью становления политического субъекта демократического действия представляется моральное гражданское движение, объединённое приверженностью демократическим ценностям и опирающееся на соответствующую инфраструктуру информационных и организационных связей.

Главная функция такого движения – создание, если можно так выразиться, «морального гражданского общества», в какой-то мере компенсирующего на нынешнем политически решающем отрезке истории отсутствующее в сколько-нибудь зрелых формах гражданское общество, и функционирующего как такое общество, в котором через взаимодействие интересов гасятся и регулируются конфликты, достигается общенациональное согласие.

В силу сложившихся обстоятельств российское моральное гражданское движение вряд ли станет, во всяком случае с самого начала, «общенациональным», способным к самостоятельному политическому действию. Сомнительно, что оно сможет синтезировать рабочие массы, предпринимателей и интеллигенцию или же опереться на общенациональные институционально оформленные структуры. Поэтому его воздействие на общественное развитие не может оцениваться только и главным образом непосредственно политической деятельностью в её привычном понимании. Главный канал такого воздействия – это культивирование в стране, по крайней мере, в среде политически активного населения, морально-политического климата, «давящего» на власть имущих, делающего невозможными или крайне затруднительными действия, нарушающие нормы права, морали, демократии.

С точки зрения ортодоксальных сторонников материалистического понимания истории, высказанные соображения могут показаться святотатством. Для их обозначения готовы и соответствующие эпитеты: романтические иллюзии, утопическое морализирование, несбыточные фантазии. Российская реальность говорит о другом. Попраание нравственных норм, почти узаконенное взяточничество, коррупция, обман и бесчестие стали той ржавчиной, которая стопорит механизмы рыночной экономики и правовой демократии. В сложившейся ситуации наблюдается инверсия факторов общественного развития. Нравственное возрождение общества, будучи в принципе зависимо от его экономического здоровья, стало сегодня объективной потребностью социально-экономического и политического развития России. Коль скоро такая потребность существует, то моральное гражданское движение – не очередная идеологическая утопия, отвлекающая от политики, а самая что ни на есть реальная политика, назревшая задача общественного развития.

Уместно походя заметить в этой связи, что и развитие западного капитализма с его демократическим наследием покоилось отнюдь не на одной только экономике, но и на протестантской этике, что глубоко показано в трудах немецкого социолога и социального философа Макса Вебера.

Существуют и вполне зримые предпосылки развёртывания морального гражданского движения. Вырисовываются контуры стартовой площадки для нового подъёма демократии в России, которые позволяют наметить конкретные механизмы создания морального гражданского движения. Оно могло бы формироваться, объединяя очаги демократического сопротивления, возникающие на профессиональной, территориально-самоуправленческой, правозащитной, экологической и иных основах, не лишая их присущей им специфики и самостоятельности.

Опираясь на самоуправленческий потенциал нарождающейся российской демократии, это движение воздействовало бы на политику не только «сверху», через влияние на центральные институты власти, но и «снизу», через социальную базу демократического процесса. Одновременно это способствует развитию в России системы гражданских отношений и институтов зрелого гражданского общества.

Об интеллектуальной потребности в реморализации общественно-политической жизни свидетельствуют многочисленные дискуссионные клубы, своего рода лаборатории зарождающегося широкого творческого движения. Всё это означает, что моральное гражданское движение вполне реально. Оно способно оказывать давление на власть, осуществляя свою основную цель и функцию как компенсатора слабости гражданского общества и нравственной силы его формирования. Борьба за соблюдение властью и другими политическими силами «правил игры» не в качестве эфемерного «пакта элит», а в качестве непреложных норм той новой политической культуры, которая рождается вместе с гражданским обществом и демократией – это на-

чальная форма созревания морального движения как политического фактора, способного противостоять авторитаризму. Пребывая в рамках нравственного просветительства и «совестливых» апелляций к порядочности власть имущих, это движение оставалось бы бессильным и способным стать разве что формой интеллигентского эскапизма, вполне устраивающего авторитарную власть и её адептов. Роль морального движения в демократическом развитии России может стать исторически значимой только через идейное, нравственное, а значит и политическое сопротивление – оппонирование с властью, эволюционирующей к авторитаризму.

Возможно ли, однако, противостояние столь неравных величин? С одной стороны, активное меньшинство, осознавшее потребность нравственного и гражданского возрождения общества при политической пассивности большинства населения; с другой – власть, обладающая государственными рычагами воздействия, склонная к их авторитарному использованию и опирающаяся на силовые структуры. О принципиальной возможности подобного противостояния свидетельствует историческая ситуация в России в 80-е гг. XIX в. С учётом всех различий в условиях, характере и методах происходившего тогда политического сопротивления, можно, тем не менее, констатировать, что при политической пассивности огромного большинства населения имело место довольно длительное противостояние власти и небольшого, но мобилизованного меньшинства, державшего в напряжении всю самодержавную систему. Тогда движение меньшинства было обречено. То, что из конфронтации не было найдено выхода к национальному согласию через углубление реформ, позднее обернулось для России большой трагедией. Однако между тогдашней ситуацией и нынешней есть очень важная разница. Она заключается в том, что сейчас на одной стороне – пока ещё не сложившиеся институционализированные и легитимные структуры, как это было с самодержавием, а только институционно неоформленный, размытый, аморфный авторитаризм; на другой же стороне за спиной антиавторитарного меньшинства располагается пассивное большинство населения, которое, в отличие от неграмотного и не искушённого в политике крестьянства конца прошлого столетия, приобрело огромный культурно-экономический опыт XX в., а также поучительный опыт демократического подъёма и разочарований последних лет.

Латентно в этом скрыты большие возможности, реализация которых во многом, если не в основном, зависит от идейно-нравственных факторов, в частности от осознания обществом объединяющих большинство населения целей, от наличия обосновывающей эти цели политически мобилизующей и организующей идеологии. Проблема идеологии поэтому – один из ключевых пунктов демократического противодействия авторитаризму.

Идеология антиавторитарного движения могла бы строиться на гуманистической и демократической основе, противостоящей не только экономической лишённости, но и униженности и несправедливости индивида – атрибуту любого авторитаризма. Ценности этой идеоло-

гии охватывают зону пересечения социал-либерализма и социал-демократизма, не посягая на их самостоятельность и самобытность как исторически сложившихся течений общественной мысли.

Возможна ли такая идеология при существующем уровне отчуждения и равнодушии в обществе, при столь глубокой дискредитации самой идеи демократии, которая произошла в последние годы? Задача трудная и требующая времени для своего решения. Но вполне разрешимая.

Именно рост отчуждения вызывает к жизни силы противодействия. В пользу гуманистических ценностей работает и наследие исторических традиций. Это коллективизм, дух товарищества, общественная поддержка советского периода, которые необоснованно были подвергнуты остракизму вместе с тоталитарным наследием, а теперь постепенно возрождаются и получают позитивную переоценку. Это – артельность, взаимопомощь, благотворительность, сочувствие униженным и гонимым – черты российского образа жизни, уходящие вглубь истории.

Зреют предпосылки и для реабилитации в сознании населения демократических ценностей, дискредитированных радикально-либеральной и псевдодемократической авторитарной практикой последних лет.

Во-первых, неуклонно идёт процесс осознания того, что демократия не тождественна существующему в России режиму и группам властвующей элиты, самообозначившими себя «демократами». Это может восстановить привлекательность идеи демократии в качестве стержневого постулата новой идеологии и политически мобилизующего лозунга.

Во-вторых, через практику «дикого рынка» идёт процесс осознания того, что не существует автоматической связи между рыночными и демократическими преобразованиями. Тем самым открывается возможность превращения демократии в предмет самостоятельного рассмотрения в качестве движения и концепции, которые не определяются рыночными реформами и не сводятся к ним, хотя и тесно связаны с ними в процессе осуществления преобразований.

На широкой основе гуманистическо-демократической идеологии в недрах морального гражданского движения могла бы получить развитие концепция демократической реформации российского общества. Однако, сколь бы хороша она ни была, эта концепция останется набором абстрактных истин и добрых пожеланий, если не будет сопряжена с реалистической программой антиавторитарных действий, в которой выделены узловые направления минимизации последствий авторитарного отката и создания опорных пунктов и предпосылок для нового рывка к демократии. Четыре из этих направлений деятельности представляются сегодня наиболее актуальными.

Первое направление – использование столкновений эгоистических интересов различных фракций правящей элиты, а также оппозиционных авторитарных групп в целях укрепления и развития правовых основ разделения власти. В своё время И. Кант высказал идею

«республики дьяволов» – такого государственного устройства, которое, несмотря на эгоистические склонности элитарных групп, самим механизмом принятых законов направляло бы их злые умыслы таким образом, чтобы они сдерживали друг друга, нейтрализуя последствия разрушительных действий. Накопленный в последние годы опыт резких столкновений различных групп российской политической элиты даёт весомый материал, побуждающий к осознанию того, что в их общих интересах вести борьбу в конституционно-правовых рамках. Тем самым существуют основания рассчитывать на успех борьбы за сохранение и развитие правовых норм разделения власти против тех авторитарных сил, которые посягают на эти нормы. В частности, сегодня эта борьба могла бы развернуться вокруг вопроса о проведении очередных парламентских и президентских выборов в соответствии с конституционными предписаниями.

Второе направление – достижение максимальной «прозрачности» государственной жизни, защита одного из главных завоеваний перестройки – гласности. Это позволит демократическому движению и всему обществу сбросить завесу секретности с тайных интриг во властных центрах и знать, по каким вопросам, какими средствами, в каких коалициях ведётся борьба за раздел и передел власти. Такое знание необходимо, чтобы верно строить собственную деятельность. Не менее важно и то, что сама обозримость этой борьбы общественностью восстанавливает публичную сферу и расширяет возможности к принуждению элитных групп действовать в правовых рамках. По всей вероятности, именно на этом плацдарме развернутся первые баталии демократического движения.

Третье направление – восстановление традиционной для России роли интеллигенции и недопущение сведения её функций к функциям ценностно нейтрального эксперта, а в сущности стороннего наблюдателя, дистанцированного от реального хода событий. Одна из важнейших особенностей российской истории заключается в том, что интеллигенция выступала провозвестником и генератором общественно значимых действий, выведивших страну из политического безвременья и восстанавливавших основы сферы публичности и гражданственности. Она была носителем нравственного начала общественной жизни, защитником идеи социальной справедливости. Восстановление этой роли интеллигенции – одна из главных задач морального гражданского движения.

Четвёртое направление – развёртывание в среде мыслящего и граждански ориентированного общества широкого идейно-политического дискурса – конструктивного сопоставления многообразных взглядов и позиций различных общественных сил в качестве способа аккумуляции их своеобразия в общем потоке развития общественной мысли и политического процесса. Такой дискурс, не посягая на самобытность социально-политических сил и движений и не пытаясь втиснуть их в прокрустово ложе единообразия, становится способом их демократического взаимодействия в условиях плюрализма. Уже сам по себе подобный дискурс создаёт атмосферу толерантности и

неприятия авторитарного стиля поведения. В нынешней российской ситуации он может также послужить целям преодоления конфронтационности политической культуры и внедрения культуры согласия как необходимого атрибута демократии.

Разумеется, все эти и другие направления интеллектуальной и морально-политической деятельности в ходе её осуществления потребуют системного осмысления и согласования с общей концепцией демократического развития России. Вместе с тем, они должны быть органически увязаны с поиском конкретных путей выхода страны из кризиса посредством максимального использования демократических институтов и процедур.

Нынешнее наступление авторитаризма, хотя и имеет глубокие исторические и социально-экономические корни, вовсе не является результатом некоей фатальной предопределенности, неотвратимым предначертанием российской судьбы. Негативным историческим тенденциям может и должна быть противопоставлена воля тех, кто не приемлет деспотизма и автократии, в каком бы обличье они ни представали. Нужна долгая и терпеливая работа по искоренению предрассудков авторитаризма, расчистке почвы для утверждения российской демократии.